
СОЦИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

А.В. Юревич

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В МИРОВОМ МЕЙНСТРИМЕ

Рассматривается соотношение национального и интернационального в отечественной социогуманитарной науке вообще и в психологии в частности. По мнению автора, национальная наука выигрывает не только от интеграции в мировую, но и от частичной дезинтеграции, способствующей сохранению ее национальных особенностей, которые делали советскую психологию интересной для Запада, а современная отечественная психология, «открывшаяся» ему в результате ликвидации «железного занавеса», постепенно утрачивает их. Рассматриваются также контрглобалистские, «глокальные» тенденции в современной российской социогуманитарной науке и проблема оптимального соотношения национального и интернационального.

Ключевые слова: российская наука, психология, глобализация, вестернизация, интернациональное, национальные особенности, кумулятивность, интеллектуальные пространства, социокультурная «привязка», предметное поле.

Кумулятивность научных дисциплин

Один из ключевых вопросов, обсуждаемых при оценивании состояния современной российской науки в целом, а также конкретных научных дисциплин, — вопрос *о мере интеграции в мировую науку* и его различные, подчас довольно жесткие, модификации, например такие, как присутствие или отсутствие России в мировой социогуманитарной науке (Классика и классики..., 2009). Подобные вопросы, не слишком актуальные для западных стран, с XVII в. развивающих более или менее монолитную науку, обладают особым смыслом для России в силу ее традиционных претензий на самобытность, в том числе и в сфере науки, достаточно длительной изоляции (относительной) от мировой науки, потребности определить, в какой именно точке ее эволюции мы находимся, и других подобных обстоятельств.

Естественно, очень значимое для самосознания отечественной науки решение подобных вопросов во многом зависит от того, *что понимать под мировой наукой*, а это понятие отнюдь не самоочевидно. В быту, а также в многочисленных предписаниях российской науке о том, каким путем ей надлежит развиваться, предполагающих ее интеграцию в мировую науку, под последней понимается либо западная наука, либо некий мировой мейнстрим развития научного знания, русло которого сформировалось на Западе. Вместе с тем в науковедческой и особенно в историко-научной литературе, где большое внимание уделяется незападной науке, прежде всего так называемой «традиционной восточной» — индийской, арабской, китайской и др. — мировая наука трактуется более широко, как *вся совокупность* национальных наук, какими

бы саомобытными и непохожими на западную они ни были. В отсутствие такого расширительного понимания, при сведении мировой науки лишь к западной, многие историко-научные исследования вообще лишились бы смысла: зачем изучать древнюю индийскую, китайскую или арабскую науку, если они, не будучи западной наукой, не являются и наукой как таковой?

Сведение мировой науки к западной порождает парадоксы, относящиеся и к более современному нам периоду. Например, советские космические исследования по понятным причинам не были интегрированы в западную науку и, более того, целенаправленно отделены от нее завесой строжайшей секретности, а отцы-основатели советской космонавтики, равно как и космонавтики вообще, не публиковались ни в западных, ни в каких-либо других научных журналах. Нетрудно представить себе, какими были бы индексы цитирования И.В. Курчатова или С.П. Королева, если бы кому-нибудь пришлось в голову их подсчитать. Можно ли на этом основании утверждать, что советская, закрытая и засекреченная, космонавтика не внесла никакого вклада в мировую науку, а запуск в космос первого в истории человечества летательного аппарата и полет первого космонавта были неким внутренним, «локальным» событием отечественной науки? Подобное утверждение, непосредственно вытекающее из сведения мировой науки к западной, очевидно, было бы более чем абсурдным.

Другим примером нелепости такого сведения может служить уже упомянутая традиционная восточная наука, точнее, ее активная ассимиляция Западом. Долгое время для западных ученых единственно возможным видом науки

была западная, а в конце XIX в. М. Вебер писал: «Только на Западе существует наука на той стадии развития, “значимость” которой мы признаем в настоящее время» (Вебер, 1990, с. 44). Однако в следующем веке западная наука признала восточную — причем именно в качестве науки, а не в качестве полезной, но ненаучной системы познания, и вообще в конце XX столетия сложилась подлинно интернациональная система познания, хотя и построенная в основном по западному образцу, но впитавшая в себя многие восточные элементы. Отмечается, в частности: «Постнеклассическая наука становится важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» (Теория и практика..., 2007, с. 117). А, скажем, современная психотерапевтическая практика основана не только на достижениях западной науки, но и на активном использовании таких понятий, как аура, чакры и т.п., порожденных традиционной восточной наукой.

Конечно, все это можно отнести к области эзотерики, лишь засоряющей рациональную науку, но существеннее другое: та же западная наука признала, можно полагать, окончательно и бесповоротно традиционную восточную науку именно наукой, а не донаукой и не скоплением эзотерических заблуждений, ассимилировав такие отнюдь не эзотерические, а вполне материалистические ее порождения, как, например, гомеопатия, медитация и акупунктура. Важно и то, что это происходило не в виде интеграции традиционной восточной науки в западную, а обратным путем — ассимиляции Западом интеллектуальных достижений Востока, т.е. Запад в данном случае не ставил себя в положение горы, к которой Магомет сам должен явиться на поклон.

Поучительно и то, что в условиях ассимиляции западной наукой порождений науки восточной и изменения последней под влиянием Запада она сохранила свою специфику как в когнитивном, так и в социальном плане. Например, в японской психологической науке активно развиваются такие области, как Zen-психология и другие восточные психологические системы. А индийские ученые до сих пор осуществляют специфический национальный обряд — пурджу, состоящий в принесении умиловительной жертвы исследовательскому оборудованию перед началом эксперимента (Маршакова-Шайкевич, 2002). Обряд, возможно, анекдотичный с позиций западных, да и российских, представлений о науке, но существенно повышающий мотивацию индийских исследователей и их веру в успех.

Подобные примеры, область которых можно значительно расширить, свидетельствуют о том, что понимание мировой науки как *совокупности национальных наук*, сложившееся в истории науки и науковедении, более адекватно, нежели ее сведение к западной науке, характерно для дилетантских трактовок этого понятия. А коли так, коли мировая наука — это совокупность национальных наук, то вопрос о включенности той или иной национальной науки в мировую лишается смысла, ибо все они, как части целого, включены в него по определению. Он также лишен смысла, как, например, вопрос о том, является ли та или иная страна частью человечества: чтобы вообразить страну, не являющуюся его частью, пришлось бы признать ее принадлежность к некой взвешенной цивилизации.

Все эти рассуждения, естественно, не означают призыва к изоляционизму

в развитии национальных наук и нисколько не опровергают целесообразности их включения в мейнстрим, русло которого цементировано западной, прежде всего американской наукой, но они демонстрируют невозможность сведения соответствующего комплекса вопросов к простым схемам, производным от расхожего тезиса об «интернациональном характере» науки.

В то же время различные научные дисциплины в разной степени нуждаются в такой включенности и, соответственно, в разной мере страдают от ее дефицита. В связи с этим следует подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, на фоне общепризнанной в результате работ Т. Куна, И. Лакатоса и других методологов некумулятивности развития любой науки разным научным дисциплинам все же свойственна различная степень кумулятивности. Она наиболее высока в естественных науках и более низка в социогуманитарных. В менее кумулятивных дисциплинах, где последующее накапливаемое ими знание испытывает меньшую зависимость от предыдущего¹, где меньше удельный вес общеобязательного знания, которым должен обладать каждый их представитель, наблюдается и меньшая зависимость национальной науки

¹ В связи с чем уместно привести наблюдение Д. Прайса о том, что если в естественно-научных дисциплинах круг чтения исследователей носит концентрированный и четко очерченный характер, то в социогуманитарных науках он является дисперсным и расплывчатым (Price, 1963), что иллюстрирует тот же факт — намного меньший удельный вес в них общеобязательного знания. А.Л. Харгенс продемонстрировал, что наиболее часто цитируемые источники в социогуманитарных науках сменяются намного чаще, чем в естественных (Hargens, 2000), что также свидетельствует о большей релятивности основополагающего социогуманитарного знания.

от мирового мейнстрима². Соответственно, социогуманитарные дисциплины несут меньшие потери от относительной изоляции от этого мейнстрима (полную изоляцию от него можно представить себе разве что в абстракции, ибо она предполагает национальное научное сообщество, ни один представитель которого не прочитал бы ни одного зарубежного научного источника, никогда не общался бы с зарубежными коллегами, не знал бы, например, закона сохранения энергии), не жели такие, как, скажем, генетика или кибернетика, обладая большим потенциалом успешного развития и в «собственном соку».

Во-вторых, как это ни парадоксально и необычно с позиций традиционных представлений о науке, подобная изоляция не только препятствует, но может и способствовать ее прогрессу. Причина состоит в том, что погружение в мировой мейнстрим частично стирает специфические особенности национальной науки и делает ее более похожей на науку других стран, а относительная изоляция, напротив, способствует проявлению этих особенностей. Например, интерес Запада к концепции Л.С. Выготского³ был во многом обусловлен тем, что в ней акцентирована линия детерминации психического, которой остро не хватало западной психологии (Кагров, 2005 и др.). Эта концепция, очень не похожая на западные психологические теории

и тем интересная для Запада, вобрала в себя специфический социальный контекст советского общества, дух противодействия западной науке, во многом порожденный идеологическим заказом, исторически обусловленную специфику российского менталитета и многое другое.

Разнообразие интеллектуальных пространств

С отмеченными обстоятельствами связан весьма парадоксальный образ российской / советской психологической науки, сформировавшийся на Западе. Стерев все частные нюансы этого образа и абстрагировавшись от его специфических особенностей, характерных для различных стран и конкретных психологов, его можно обозначить как представление о том, что российская психология — это труды таких ее корифеев, как Л.С. Выготский⁴ и А.Р. Лурия, со времен которых в нашей психологической науке не сделано ничего значительного. Этот образ парадоксален на фоне социального контекста развития отечественной психологии, прежде всего, исторического изменения возможностей ее взаимодействия с зарубежной наукой.

Достижения отечественной психологии, ассоциирующиеся с именами таких ее представителей, как Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, и получившие наибольшую известность на Западе,

² Здесь и далее этот термин используется в качестве заменителя термина «мировая наука» ввиду его показанной выше неадекватности.

³ Общеизвестно, что «в период с 1960-х по 1990-е гг. его работы оказали значительное влияние на западную психологию» (Смит, 2008, с. 327), которое в дальнейшем еще более возросло (Кагров, 2005).

⁴ Отметим, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Л.С. Выготского только возрастает, что проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии (Кагров, 2005). Это обстоятельство, кстати, демонстрирует невозможность оценки ныне живущих российских ученых по их индексу цитирования за рубежом, где признание часто приходит к ним посмертно.

относятся к тому периоду ее развития, когда она существовала за «железным занавесом»: когда отечественные психологи гораздо реже, нежели сейчас, ездили за рубеж, хуже знали иностранные языки, почти не публиковались в зарубежных научных журналах, испытывали большие трудности во взаимодействии с иностранными коллегами, не имели возможности пользоваться Интернетом и электронной почтой. Ныне же они интегрированы в мировой мейнстрим Всемирной паутиной, регулярно ездят за рубеж, публикуются в иностранных научных журналах, состоят в различных международных научных организациях и постоянных контактах с зарубежными коллегами.

Естественно, уровень интеграции в мировой мейнстрим современной российской науки вообще и психологии в частности не следует переоценивать. Сейчас отечественные НИИ и вузы имеют меньше средств на международное сотрудничество, нежели в советские годы, самая «свежая» зарубежная научная литература, присутствующая в наших библиотеках, относится к началу 1990-х гг., большая часть отечественных ученых по-прежнему плохо знает иностранные языки. Вместе с тем, если принять во внимание описанный выше зарубежный образ отечественной психологии, налицо очевидный парадокс: *наша скрытая за «железным занавесом» и развивавшаяся в относительной изоляции от мирового мейнстрима психологическая наука была лучше известна и выше ценилась на Западе, нежели нынешняя, широко «открывшаяся» ему.* В сочетании с двумя отмеченными выше обстоятельствами это демонстрирует парадоксальный — на фоне расхожих, упрощенных представлений о науке, но согласующийся с более сложными науковедческими

закономерностями факт: *«умеренная» изоляция от мирового мейнстрима может идти на пользу национальной науке.* Из данного факта, естественно, не следует целесообразность искусственного поддержания подобной изоляции, но следует то, что устранение специфических особенностей национальной науки может нанести ей ущерб.

В подобном контексте уместно упомянуть наиболее известных — и в нашей стране, и в мире — российских философов, таких, как И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев. По общему признанию, разработанные ими концепции могли быть созданы только в России, впитав в себя уникальные особенности российского философского мышления, российского менталитета и соответствующей социокультурной среды. Отечественные психологические теории советского периода — концепции Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева — тоже специфичны, имея выраженную социокультурную, в том числе и идеологическую, «подкладку». Очень показательны и то, что, как отмечают многие ученые, живущие в нашей стране и за рубежом, творческий потенциал российских социогуманитариев-эмигрантов быстро затухает, они «теряются» в западной науке, и даже те из них, кто блистал в России, крайне редко выходят там на лидирующие позиции⁵. Причины этого явления, конечно, самые разнообразные: и языковой фактор,

⁵ Вообще считается, что из примерно 30 тысяч российских ученых, эмигрировавших на Запад, не более 300 завоевали в западной науке лидирующие позиции (Егеров, 2002), причем в социогуманитарных науках, более зависимых от языковых, социокультурных и других факторов, «коэффициент успешности» наших ученых ниже, чем в естественных и технических.

и трудности адаптации эмигрантов, и не слишком позитивное отношение к ним в принимающих странах, и другие факторы. Вместе с тем трудно не заметить и еще одну причину — тесную «привязку» российской науки к российской социокультурной среде, трудности ее «переноса» в другие среды, заставляющие вспомнить миф об Антее.

По всей видимости, для развития мировой науки оптимальным является не только теоретико-методологический плюрализм, узаконенный постмодернизмом, но и *плюрализм более глобальных интеллектуальных пространств*. А помещение науки в какое-либо одно интеллектуальное пространство, скажем, построение всей мировой социогуманитарной науки по образу и подобию американской⁶, ее существенно обедняет.

В связи с этим следует подчеркнуть полную несуразность и расхожего тезиса о том, что, поскольку наука интернациональна и не признает государственных границ, а «национальная наука» — это фикция, что обычно обосновывается унифицированностью объектов научного исследования и производимого наукой знания. Действительно, скажем, закон всемирного тяготения одинаково действует и в Западной Европе, и в Америке, и в России, а некую «национальную физику», в которой этот закон преломлялся бы специфическим образом, трудно себе представить, хотя, возможно, на какой-либо другой планете и физическая наука была бы другой. Однако в

социогуманитарных науках это далеко не так, даже в условиях когнитивной унифицированности национальная наука всегда имеет *социальную* специфику, связанную со спецификой социальных условий, в которых она развивается, а институт науки по-разному организован в разных странах. К примеру, голландская наука отличается от германской, а, в случае психологической науки, австро-германская — от американской (Toomela, 2007), что позволяет говорить о западной науке лишь как о некой абстракции. В социальной психологии, например, широко распространены альтернативные американской европейские программы ее развития, выдвинутые С. Московичи, Г. Тэшфелом и др. В частности, как отмечает Г.М. Андреева, «обязательный учет социального контекста в социально-психологическом исследовании является своеобразным “знаменем” европейской социальной психологии» (Андреева, 2003, с. 20), которая не только не стремится слиться с американской, но и энергично противопоставляет себя ей (там же). А по мнению эстонского психолога А. Тоомела, сорок последних лет развития психологии вообще прошли впустую — по его дословному выражению, оказались «выброшенными в пепельницу», — из-за того, что она развивалась по американскому, а не по австро-германскому пути (Toomela, 2007).

В разных западных странах очень по-разному видятся и статус психологии, и ее место в системе наук. Так, опрос, проведенный М. Розенцвейгом, продемонстрировал, что психология квалифицируется там и как естественная, и как биологическая, и как медицинская, и как поведенческая, и как образовательная, и как гуманитарная

⁶ Это выражается, в частности, в трактовке любой национальной науки, не похожей на американскую, как неполноценной, недоразвитой, *недонауки*, весьма характерной для наиболее уничижительного способа восприятия современной российской психологии.

наука, и как научная дисциплина совершенно особого типа, причем ее воспринимают по-разному не только в разных странах, но и в различных университетах одной и той же страны, и даже в рамках одного университета сосуществуют ее различные понимания (Rosenzweig, 1992). Подобные явления, наблюдающиеся в самой западной психологии, демонстрируют нелепость представления о ней как о единой, монолитной науке, а тем более о единственно возможной модели развития психологии.

Из сказанного, если придать ему более универсальный и выходящий за пределы психологии смысл, в частности, вытекает, что многочисленные программы преобразования российской науки по «западному образцу» (хотя, что это за «образец», когда и в западных странах наука организована по-разному?), включающие такие меры, как «перенос» академической науки в вузы, весьма напоминающий проект переброски сибирских рек, оценку наших ученых по их цитат-индексу в западных журналах и т.п., обречены на провал. Нет сомнений в целесообразности применения *некоторых* из подобных мер при их соответствующей модификации, например, подсчета индекса цитирования российских ученых в *российских* научных журналах (иначе все, не знающие иностранных языков вовсе, окажутся «не-учеными»). Однако полное нивелирование национальных особенностей российской науки чревато уничтожением одного из главных источников ее жизненной силы и превращением в периферию или «сырьевой придаток» науки западной, поставляющий ей первичные данные. Вызывает удивление и то, что, хотя подобные программы переустройства российского общества

«по западному образцу», реализовавшиеся в начале 1990-х гг., уже давно признаны ошибочными, «псевдолиберальными», нанесшими России большой вред (Кортунов, 2007 и др.), они все еще предлагаются в отношении отечественной науки.

Одна из наиболее радикальных инициатив подобного рода — звучащая в последние годы идея о том, что отечественные научные журналы вообще не нужны, будучи местом, где российские ученые «варятся в собственном соку», а свои научные труды им следует публиковать лишь в международных изданиях. Не касаясь того общеизвестного обстоятельства, что национальные научные журналы есть в любой стране, где есть наука и деньги на издание научных журналов, отметим, что реализация подобного абсурда оставила бы не у дел не только львиную долю российских ученых, не владеющих в совершенстве иностранными языками и не имеющими средств на переводчиков, но и обширную область изучаемой ими проблематики⁷. Причина состоит в том, что обозначенная выше социокультурная «привязка» национальной науки дополняется ее тематической «привязкой», выражающейся в направленности значительной части исследований на изучение специфических проблем данного общества, что особенно характерно для социогуманитарных наук, на тематическом поле которых глобальное — выявление универсальных закономерностей человеческой психики, функционирования социальных структур

⁷ Отметим, что, возможно, и то, и другое как раз и составляет сердцевину планов «реформаторов» отечественной науки, с начала 1990-х гг. реализующих программы ее «сокращения» как якобы «избыточной» для такой страны, как Россия.

и тому подобное — всегда сосуществует с локальным, характерным именно для данной страны. В частности, современная российская психология обращается не только к психике «человека вообще» (как хорошо известно, это тоже абстракция), но и к различным психологическим проблемам, особенностям, характеристикам современного российского общества. Подобный «локальный» слой всегда составляет значительную часть проблематики любой социогуманитарной дисциплины⁸, а обсуждение проблем современного российского общества исключительно на страницах зарубежных научных журналов выглядело бы более чем странно и стало бы насильем над зарубежными читателями этих журналов, многие из которых не интересуются происходящим в России. А этот «локальный» слой проблематики, который может присутствовать только в национальной науке, служит главным связующим звеном между наукой и обществом, выражая ориентацию ее представителей на изучение и решение наиболее острых проблем данного общества, за что оно ее в первую очередь и ценит.

Следует подчеркнуть и то, что именно тематическая «привязка», изучение специфически российского материала открывает перед современной российской психологией одну из главных перспектив сохранения самобытности, препятствующей растворению в западной науке или превращению в ее «задворки». Есть два

основных варианта сохранения этой самобытности: первый — самобытность теоретико-методологического «слоя» национальной науки, который был очень выражен у советской психологии и который современная российская психология по ряду причин теряет; второй — самобытность предметного поля, изучение национальной науки проблем, которые зарубежная наука изучать не будет, а если и будет, то в явно недостаточном объеме⁹. Такова, в частности, область психологической проблематики, которую можно обозначить как *психологию современного российского общества*, если и переносимую на страницы международных научных журналов, то лишь в объеме «верхушки айсберга».

В данной связи уместно затронуть и такой общий и, вроде бы, тривиальный вопрос, как предназначение научных публикаций. Когда-то считалось, что они выполняют исключительно коммуникативную функцию — распространения знаний в научном сообществе, т.е. ученый публикует свои труды исключительно ради того, чтобы его коллеги могли ознакомиться с проведенными им исследованиями и использовать их результаты. Затем, когда социологи науки подсчитали, что большую часть научных трудов вообще

⁸ Отметим, что в отечественной социологии или политологии он выражен больше, чем в психологии. В частности, отечественные психологи обычно строят свои тексты «от исследований», в то время как политологи и социологи — «от проблем», причем, как правило, внутрироссийских.

⁹ Подчеркнем, что это наиболее простой и естественный путь обретения национальной наукой своей собственной «экологической ниши» в науке мировой, вследствие чего тенденция к «русизации» предмета исследований очень отчетливо выражена во всех наших социогуманитарных дисциплинах. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любой наш экономический, политологический, социологический и т.п. журнал, где всегда преобладают статьи, посвященные проблемам современного российского общества, хотя мировая проблематика тоже представлена.

никто не читает¹⁰, а науковедческие исследования разрушили традиционные мифы о ней, было признано, что коммуникативная функция публикаций дополняется другими. С помощью публикаций ученые не только сообщают информацию коллегам, но и само-реализуются, самоутверждаются, повышают свой статус, набирают баллы для различных аттестаций и рейтингов, подобных чувствительно оживившему жизнь нашей науки ПРНД (Показатель результативности научной деятельности), что и побудило Р. Мертона сформулировать известную формулу «Публикуйся или гибни».

Однако создается впечатление, что с некоторых пор публикации отечественных социогуманитариев выполняют и еще одну важную функцию, в общем сводимую к ответу на традиционный российский вопрос «Что делать?» (отметим, что ответ на другой наш национальный вопрос «Кто виноват?», бурно обсуждавшийся с середины 1990-х гг., к их концу постепенно отошел на второй план). Естественно, возникает и еще один вопрос: к кому обращены подобные публикации и каковы их функции? И, хотя самоутверждение и само-реализация авторов в данном случае,

наверняка, играют немалую роль, все же резонно предположить, что они обращены в первую очередь к власти и к многочисленным обслуживающим ее аналитикам. Дескать, только вы можете что-то сделать, но не знаете, что делать, так вот вам программа действий. При изрядной наивности презумпции о том, что власть что-то слышит, а тем более что-то читает, а обслуживающие ее аналитики доводят до ее сведения какие-либо идеи, кроме своих собственных, все же подобная ориентированность научных публикаций не лишена смысла и становится все более распространенной. И эта ориентированность на диалог с властью тоже образует «местную привязку» отечественной социогуманитарной науки, в том числе и психологии, лишившись которой в результате «полной интеграции» в мировую науку, она лишится и одного из главных ресурсов воздействия на наше общество.

Гармонизация национального и интернационального

Разумеется, специфику отечественной социогуманитарной науки вообще и психологии в частности нельзя видеть только в позитивном свете, да и вообще эта специфика редко сводима лишь к какому-либо одному — позитивному или негативному — оценочному знаменателю. Так, Е.В. Левченко отмечает, что «зарубежные концепции (психологические. — А.Ю.) обозначены лаконично, ярко, образно, а отечественные — описаны многословно, громоздко, так, что содержание их основных идей приходится еще дополнительно извлекать из имеющихся текстов» (Левченко, 2006, с. 129). Х. Балзер показывает, что советская и российская социогуманитарная наука

¹⁰ Подобные подсчеты (Б. Гастин, например, подсчитал, что из 7820 периодических изданий, хранящихся в одной из ведущих библиотек Лондона, 4800 ни разу не взял в руки ни один читатель) породили утрированное представление о том, что научная литература вообще существует для ее авторов, а не для читателей. Однако эта идея теряет свой метафорический характер в случае, например, широко распространенных в современной России платных научных журналов, где *любой* автор за деньги может опубликовать свое произведение, и которые, в основном, используются соискателями ученых степеней для набирания «публикационных очков» к защитам. Такие журналы действительно существуют для авторов, а не для читателей.

отличается склонностью к теоретическим разработкам («сфера доски и мела»), затрудненностью коммуникации и закрытостью («слабая диффузия результатов»), иерархичностью и тенденцией к воспроизведению тематики, разрабатывавшейся патриархами («менторизм») (Balzer, 1989). А Е.А. Климов подчеркивает, что, в отличие от зарубежных психологов, «у авторов в российской традиции не принято было рекламировать себя, придавать “товарный вид” и звучные названия интеллектуальному продукту... вешать яркие компактные вывески на свои научные достижения, в частности оригинальные идеи, концепции» (Климов, 1999, с. 138–139), т.е. российским ученым свойственнее менее «рыночный» стиль использования производимого им знания, хотя в последние годы в этом плане наблюдаются существенные изменения (см. Кольцова, 2007 и др.).

Естественно, сказались и советские корни российской психологической науки, хотя сейчас в ней происходят значительные изменения, во многом состоящие в попытках эти корни «обрезать». Например, В.Б. Хозиев отмечает: «От психологии во времена “побеждающего” социализма как раз требовалось эмпирическое подтверждение социальной (а в ортодоксальном марксизме – социально-экономической) детерминации конкретного человеческого поведения, для чего в идеологически удобную иерархию детерминант выстраивались поочередно общество, ближний социум и семья» (Хозиев, 2007, с. 192). А В.А. Кольцова пишет о том, что «генетически в советскую психологическую науку были заложены определенные противоречия, обусловленные ее развитием в рамках

единой философской парадигмы, жестких административно-командных форм руководства и идеологического контроля (отрыв от мировой психологии, отказ от разработки “идеологически неприемлемых” проблем и т.д.)» (Кольцова, 2007, с. 12). Любопытно, однако, что идеологические корни советских психологических теорий, вопреки расхожему тезису об однозначно негативном влиянии государственной идеологии на науку, далеко не всегда порождали пустоцветы. Так, скажем, в очень популярной на Западе концепции интериоризации высших психических функций отчетливо проступает представление о примате общества над личностью, характерное для советской идеологии (и вряд ли это можно считать простым совпадением). Данная укорененная в советской идеологии идея оказалась тем, чего остро недоставало западной психологии, что и послужило одной из главных причин ее интереса к теории Л.С. Выготского (Карпов, 2005).

Следует подчеркнуть, что социокультурная «привязка» психологической науки отчетливо выражена не только у *российской* психологии. Так, например, в США наименьшую долю – 9 % – ученых-иммигрантов со степенью доктора наук составляют именно психологи (Rosenzweig, 1992), очевидно, многие теряющие при перемещении в инородную социокультурную среду. Вместе с тем различные национальные науки заметно различаются в плане прочности своей социокультурной «привязки» и, соответственно, простоты конвертации в другие социокультурные среды. При всем уважении ко всем народам и их национальной науке, все же следует признать, что наука в малых странах, а также в странах

немалых, но имеющих малоразвитую науку, обладает более слабой социокультурной «привязкой», нежели там, где национальная наука высоко развита, причем именно в качестве национальной. Существует и «спутниковый» тип науки, обладающий минимальными национальными особенностями и строящийся по образцу науки других стран, как правило, тех, от которых данная страна находится в политической и социокультурной зависимости. Так, например, наука в прибалтийских республиках бывшего СССР строилась по советскому (российскому) образцу, а после распада соответствующих социокультурных и политических связей тут же переориентировалась на Запад. Эта переориентация прошла быстро и безболезненно ввиду минимальной выраженности у науки этих стран своих собственных социокультурных особенностей и ее исторической «подстроенности» под более развитую науку. Сейчас наука в этих странах практически не имеет национальных особенностей, а ее представители ведут подлинно интернациональный образ жизни, чаще находясь за рубежом, чем в своих собственных государствах. Наука же больших стран, таких, как Россия, Индия, Китай, имеет собственные традиции и достижения, обусловленные ее богатой историей и социокультурными особенностями, и чем богаче эти традиции и достижения, тем сложнее ее конвертация в мировой мейнстрим, означающая частичное стирание ее национальных особенностей.

Тенденция к «озападниванию» российской социогуманитарной науки в наших российских условиях тоже подчас дает негативные результаты. Подмечено, в частности, что современные отечественные социогуманитарии

разрабатывают все меньше теорий, все реже выдвигают методологические и методические инновации, предпочитая заимствовать все это в готовом виде у западной науки — дабы «не изобретать велосипед». В частности, как констатирует выходец из российской психологии Е.В. Субботский, ныне работающий в Университете Ланкастера, после ликвидации «железного занавеса» в советской (в его терминах) психологии всецело доминируют американская психотерапия и психоанализ (Subbotsky, 2009). В результате подобных изменений отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в посреднический механизм трансляции знания, произведенного на Западе, в нашу социальную практику. Может ли такая посредническая, «вторичная» наука быть интересной самому Западу? Ответ очевиден, во многом объясняя описанный выше образ российской психологии, сложившийся в западной науке и парадоксальный лишь на первый взгляд.

В связи с вопросом, как его сформулировали бы в прежние времена, о соотношении интернационального и национального в науке, следует упомянуть и о том, что любая наука не гомогенна, в ней существуют различные направления, в большей или меньшей степени зависящие от мирового мейнстрима, и различные психологические типы ученых, в разной мере восприимчивые к его влиянию. Так, У. Корнхаузер выделил два типа ученых — «местников» и «космополитов», охарактеризовав первых как сильно привязанных к их национальной науке и к тем организациям, в которых они работают, а вторых — как осуществляющих свою профессиональную деятельность в основном за пределами этих организаций

(Kornhauser, 1962). Естественно, «космополиты» в целом в большей степени интегрированы в мировой мейнстрим, чем «местники», а требовать этого от последних означало бы ломать их психологический склад и образ жизни. В современной российской науке «космополиты» либо уже эмигрировали в другие страны, либо представлены такой категорией, как «перелетные птицы», сопоставимую часть времени проводящие в России и за рубежом. Эти две разновидности «космополитов» интегрированы в мировой мейнстрим, однако без «местников», интегрированных в него намного хуже, наши научно-исследовательские институты (и вузы) опустели бы совсем.

Следует отметить и то, что интеграция в мировой мейнстрим для ученого, сформировавшегося за его пределами, как правило, предполагает пиар-деятельность, требующую целого ряда качеств, которые свойственны далеко не всем российским ученым. «Автоматическое» признание российского ученого за рубежом лишь за его научные заслуги — это, если и не миф, то, как минимум, очень редкое явление, по крайней мере, в социогуманитарных науках (поэтому, в частности, известность за рубежом нельзя трактовать как обусловленную лишь научными заслугами исследователя, что часто делается). Достижение такого признания требует и владения хотя бы одним иностранным языком, и терпимости к снисходительным улыбкам окружающих, если говоришь на нем неважно, и высокой коммуникабельности, и способности проводить много времени вдали от родных пенатов, и терпения при бомбардировании зарубежных научных фондов своими заявками, а также умения это делать, и способности

«пиарить» свои заслуги, особо существенной в тех случаях, когда они очень скромны, и многого другого¹¹. Далеко не все наши ученые, особенно представители старшего поколения, обладают этим букетом качеств, да и у молодых, более активных, например, знание иностранных языков оставляет желать лучшего. В результате степень интегрированности отечественных исследователей в мировой мейнстрим и их известность за рубежом выражает не только и не столько их научные заслуги, сколько активность в этой интеграции, мотивацию к ней и наличие соответствующих качеств. Симптоматично, что, например, среди институтов РАН по индексу цитирования за рубежом с большим отрывом лидируют Институт мировой экономики и международных отношений, а также Институт США и Канады, в силу предмета их деятельности ориентированные на зарубежные контакты и не имеющие в своем штате сотрудников, которые не знали бы иностранные языки.

В то же время по подобным показателям, выражающим уровень интегрированности в мировой мейнстрим, российская психологическая наука, в сравнении с другими развиваемыми в нашей стране социогуманитарными дисциплинами, выглядит вполне достойно. По такому показателю, как количество публикаций в международных научных

¹¹ Возникает, естественно, и множество других трудностей. Например, наш соотечественник Е.В. Субботкий отмечает, что после своего переезда в Великобританию быстро убедился в том, что «свободомыслие» в западных культурах вовсе не означает свободы публикации теоретических статей, противоречащих взглядам британских и североамериканских теоретиков, которые доминируют в редакционных советах психологических журналов (Subbotsky, 2009).

журналах, она занимает шестое место (0,99 % мирового потока публикаций по психологии), опережая социогуманитарные дисциплины, куда более популярные¹² в современном российском обществе – экономику (девятое место) и политические науки (десятое место) (Маршакова-Шайкевич, 2002). То есть хотя в целом удельный вес российских публикаций по психологии невелик, все же она в данном плане выглядит лучше, чем большинство других наших социогуманитарных дисциплин.

Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принеся антизападнические настроения, породила и новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; неважное знание на Западе достижений современных российских ученых характеризует с плохой стороны не нашу науку, а западную; не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать наши журналы. Словом, извечный и очень болезненный для российской культуры вопрос о том, кто – Магомет, а кто – гора, и, соответственно, в каком направлении должно строиться их взаимодействие, сейчас предлагают решать не только западнцентристским, но и русоцентристским образом, в чем трудно не усмотреть проекции

патриотических настроений последних лет на представления о путях развития отечественной науки. Прямолинейный западнцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания национальных особенностей нашей науки дополняется столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму.

Очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника, и, соответственно, очевидна необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим. Сама же по себе перестройка российской социогуманитарной науки, в том числе и психологии, на западный манер может превратить ее в периферию западной науки, сделав еще менее интересной для последней и, таким образом, лишь усилить дезинтеграцию. Национальное и интернациональное в любой национальной науке должны находиться в гармонии, ни в коем случае, не подавляя друг друга.

Литература

- Андреева Г.М. О «социологизации» социальной психологии // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 12–30.
- Вебер М. Предварительные замечания // Избранные произведения. М., 1990. С. 44–60.
- Егерев С.В. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 273–285.
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. М., 2009.
- Климов Е.А. Общая психология. М., 1999.
- Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 5–18.

¹² О критериях такой популярности см. Юревич, 2006.

Кортунов С.В. Национальная идентичность: постижение смысла. М., 2009.

Левченко Е.В. Отображение психоанализа в отечественных учебниках // Теория и методология психологии. 2006. Вып. 2. С. 128–137.

Маршакова-Шайкевич И. Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 314–345.

Молодцова Е.Н. Традиционные знания и современная наука о человеке. М., 1996.

Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.

Смит Р. История психологии. М., 2008.

Теория и практика экономики и социологии знания / под ред. Г.В. Осипова. М., 2007.

Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.

Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // Наука. Инновации. Образование. М., 2006. С. 72–89.

Balzer H.D. Soviet science on the edge of reform. Boulder, 1989.

Coates J. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21-st century technologies: Promises and perils of dynamic future. Paris, 1998. P. 33–46.

Hargens L. Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 148–163.

Karpov Y.V. The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge, 2005.

Kornhauser W. Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley, 1962.

Price D. de S. Little science, big science. N. Y., 1963.

Rosenzweig M.R. What is psychological science // International Psychological Science: Progress, Problems, and Prospects. Washington, 1992.

Subbotsky E. Moving from Russia to the UK: challenges for a developmental psychologist // Bulletin of the British and East European Psychology Group. 2009. N 28, Summer. P. 6.

Toomela A. 60 years in psychology has gone astray // Integrative Psychology and Behavioral Science. 2007. Vol. 41, N 1, March. P. 75–82.